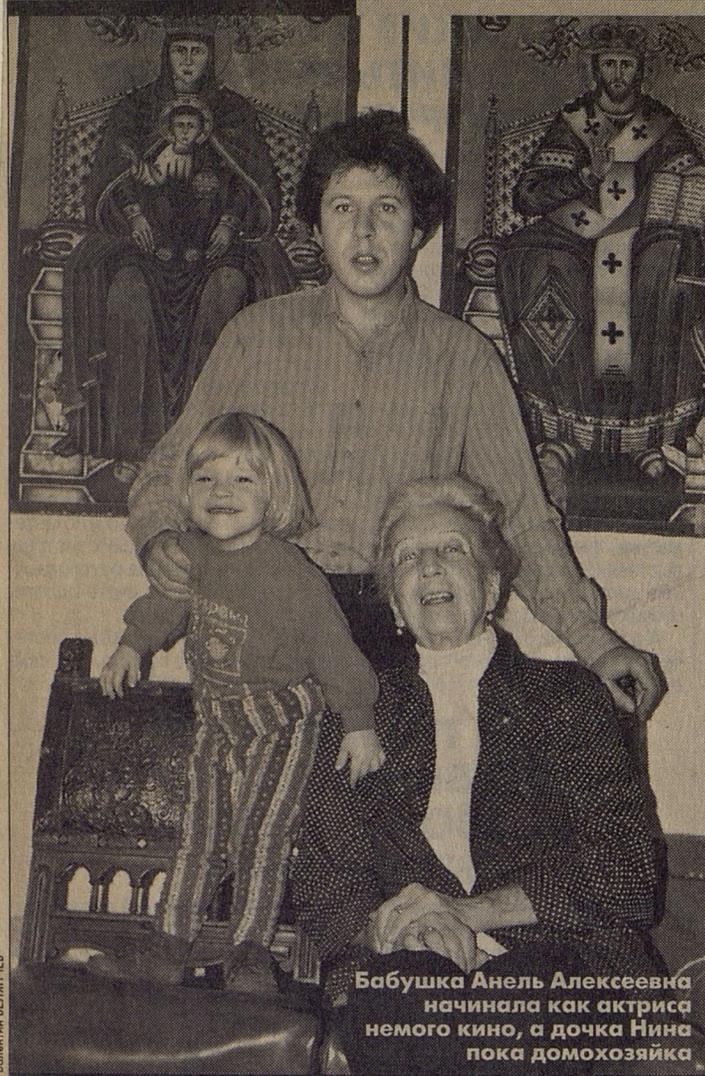

Мессерер Александр Борисович.

19.11.01

ОТЦЫ ДЕТИ

Бабушка Анель Алексеевна начинала как актриса немого кино, а дочка Нина пока домохозяйка

ВНУК АСАФА, СЫН БОРИСА

Вел. Москва - 2001 - 19 ноября - С. 6.

МЕССЕРЕР.

При упоминании этой фамилии полстраны встанет и скажет: «Асаф!» Танцовщик и балетмейстер Большого театра. Потом еще раз встанет и скажет: «Борис!» Театральный художник с мировым именем, непревзойденный мастер инсталляции. Я хочу вам представить Александра Мессерера, внука Асафа и сына Бориса, который также посвятил себя живописи.

рера, твоя судьба художника могла сложиться по-другому?

— Допускаю. Потому-то и не претендую на... Но многие люди, мнение которых я уважаю, меня поощряли в моих поисках. И отец всегда видел в них светлое. Тут ведь еще дело в том, что каждый художник проходит путь «ломающийся». Только неизвестно, каким будет направление излома — вверх он пойдет или вниз. Чтобы не скатиться вниз, прошу прощения за пафос, нужно блости душу.

— Понимание этого — тоже от отца?

— Из семьи. Бабушка — Анель Алексеевна Судакевич, ей исполнилось 95 лет, она в конце 20-х начинала как актриса немого кино, у Пудовкина и Завадского. Двадцать пять лет проработала художником в Цирке на Цветном бульваре.

Делала костюмы Олегу Попову. Мама — балетный человек, танцевала в Большом театре, потом преподавала, снялась в фильме «Я Вас любил», где сыграла практически саму себя.

— Знаю, что ты и армию отгубил.

— Да, в самом конце семидесятых. После первого курса меня, грубо говоря, выперли из Школы-студии МХАТа за «хвосты». И встал вопрос: идти или не идти в армию. И я сам туда пошел, хотя отец с его связями мог вполне и «отмазать». У меня об армии были какие-то радужные представления, наверное, потому, что я читал про солдата Швейка и не читал про солдата Чонкина. Короче, из МХАТа — за МКАД. Год служил в Загорске, был художником в артиллерийской части. Потом, по не зависящим от меня причинам, был переведен в стройбат под Липецк. Конечно, было жутко тяжело: и москвич, и фамилия какая-то нерусская. Но я ни о чем не жалел, это был мой выбор.

— Ты давно уже сам отец неоднократный. Как с проблемой «отцов и детей»?

— Да какие проблемы! У меня три дочери. Ане 10 лет, Маше — 8, а Ниночка еще маленькая, ей два с половиной. Старшие — в балете, но и очень живо, симпатично рисуют. Они видели работы моего отца, мои картины, при этом у каждой свой художественный взгляд, тяготеющий (ха-ха) к моему.

Сергей МОЛЧАНОВ

— Александр, имея таких «фамильных» предшественников, не опасался ли ты, что природа в какой-то мере на тебе отдыхает?

— Я человек иного склада, нежели отец. Папа — человек общественный, с именем, которого знает вся Москва, художник, оформивший массу спектаклей. А я человек более закрытый, пишу в основном пейзажи, делаю графические композиции. Я художник другой стези, отличной от бабушкиной. У меня, к сожалению, не сложились отношения с театром. В молодости я учился в

Школе-студии МХАТа, и учился довольно-таки плохо. Театр меня тогда не увлек. А увлекло живописание маслом этюдов и пейзажей. И я остановился на этом и достиг постепенно определенного уровня.

— Так «достиг» или «остановился»?

— Любой художник знает себе цену и отдает себе в этом отчет.

— Творческая ревность к отцу имеет место?

— Это исключено. Он с детства правильно меня корректировал в нужном творческом направлении. Другое дело, что в молодости я ленился... выпи-

вал, вращался в разных кругах... женщины... Это все сыграло свою роль. Если бы я тогда уделял больше внимания живописи, мастерству, я бы достиг сегодня больших высот.

За последние годы я часто помогал отцу делать спектакли, оформлять выставки. Вот для выставки «Художники Большого театра» за 250 лет полгода компоновал монтажные листы. Пусть эта работа более техническая, чем творческая, но папа мне дает возможность проявить себя и подзаработать. Мы — энергетически сообщающиеся сосуды.

— Допускаешь, что если бы ты не был сыном Бориса Мессе-

«Я пишу в основном пейзажи» («Октябрь», 1991)